

В полной мере осознал жестокость Старейшины Нориэль в тот момент, когда понял, что Айша стала выше его. Вместе с тем, как девочка становилась выше и... взрослее, постепенно менялись и её увлечения, и её поведение, и её желания. Она заинтересовалась теми умениями, что Нориэль развивал из скуки, и сначала попросила научить её живописи, а после и всему остальному.

Нориэль чувствовал дежавю. Ему казалось, что Айша начала проходить через то же, что и он. Она быстро привыкла к красотам Леса, сделала в нём всё, что могла (в самые рекордные сроки), и теперь осталась лишь тоска статичного Леса, которую она переживала, как оказалось, ещё хуже, чем маленький эльф.

Самым же ужасным для Нориэля стало то, что он всё меньше понимал Айшу. Она всё дальше и дальше отдалялась от него. С каждым мигом она напоминала себя прошлую всё меньше, меняясь за считанные...

Считанные...

Мгновения?

Нориэль видел перед своими глазами тропу. Он вступил на неё намного, намного раньше, чем Айша, однако она не только его догнала, но и стремительно перегоняла. Мальчик тянулся к спине девочки и с ужасом понимал, что ему становится всё тяжелее дотянуться до неё.

Всё равно, что черепашке попытаться перегнать гоночный автомобиль. Тут и семья черепах не поможет.

И это понимал далеко не только мальчик.

— Ты так быстро растёшь, Айша, — улыбнулся Флориэль. — Можно ли тебя уже назвать взрослой? Прости, я не слишком хорошо знаю, как растут люди.

— Ещё нет, старший, — покачала головой Айша. — Но, кажется, я уже совсем скоро стану взрослой.

Флориэль перевёл взгляд на задумчивого Нориэля, после чего вздохнул. Мужчина поднял взгляд на синее небо, над чем-то задумавшись.

— Значит, ты хочешь научиться моей игре?

— Да.

— Разве Нориэль не может тебя научить? — удивлённо уточнил мужчина.

— Это я предложил, дядя Флориэль, — подал голос мальчик. — Пусть вы умеет играть только две мелодии, но они намного более прекрасные и совершенные. Вы посвятили этому делу свою душу, а я...

Нориэль шаркнул ногой, не став заканчивать мысль. Всё было и так очевидно.

— Не ты ли, росток, говорил недавно обратное? — вскинул бровь мужчина. — Разве моя игра не... ужасающая? И почему ты вдруг стал таким вежливым?

Духи, летавшие как вокруг Нориэля, так и вокруг Флориэля, одновременно захихикали.

Уши Нориэля покраснели.

Что ему ответить на это?

Обучалась Айша безумно быстро. Намного быстрее, чем любой сородич мальчика и он сам. Со стороны Нориэль наблюдал за тем, как с каждым мигом она играла всё лучше и лучше.

И всё же, это не делало счастливее девушку.

Ещё немного позже Айша заинтересовалась пением. Будто ей развития настоящего чуда, совершенствования игры на флейте и обучения игры на арфе было мало! Это желание в ней проснулось, когда Нориэль, отдыхая на дереве, спонтанно запел.

Очень мягко, мелодично, но при этом тягуче, медленно. Слов в песне было немного и она напоминала скорее отрывок из баллады. Тот, кто его научил петь, рассказывал про природу и красоту Леса, когда песни Нориэля...

Они были тоскливыми и, пусть тоже рассказывали про природу, несли совсем иной подтекст. Возможно, поэтому мальчик и быстро потерял интерес к пению. Элориэль научил его вкладывать душу в свой голос, и это было, пожалуй, главным проклятием мальчишки.

— Как красиво! — воскликнула удивлённая Айша. — Когда ты научился петь, ушастик?

Нориэль пожал плечами.

— Давно.

— Действительно давно, — засмеялась в своей манере девушка. — А я, кстати, придумала, как примерно считать года!

Естественно, мальчишку заинтересовали слова девушки. Айша, как и обычно, потянула Нориэля за собой, но на этот раз её ладонь уже была больше ладони мальчика. Создавалось такое впечатление, будто старшая сестра ведёт куда-то своего младшего брата.

Девушка вывела Нориэля в сад, в котором росли фиолетовые ирисы. Мальчик знал, что его подруга очень любила фиолетовый цвет, и во многом из-за её «чуда» они принимали именно такой оттенок.

— Они вырастают и умирают примерно за один сезон, — пояснила с улыбкой девушка.

— Ты говорила, что у вас есть «ночь», во время которой нет солнца, — заметил зачарованный чудом Нориэль. — Почва и твоё... «чудо» тоже должно влиять. Скорее всего, они будут расти по-другому, Айша.

— Я учла это, — кивнула девушка. — Но это — лучший для меня способ, ушастик. Так я хотя бы примерно буду знать, сколько прошло времени.

Нориэль поднял взгляд на улыбчивую повзрослевшую подругу. Духи шептали ему, что с её состоянием что-то не так. Скорее всего, в последнее время она начала задумываться над тем, чтобы уйти из Леса.

Но это было невозможно.

Айша достала флейту, заиграв на ней. Нориэль мог сказать, что она играла намного лучше,

чем прежде. Ей не нужен был учитель — было достаточно лишь постоянной практики. Она сама приходила к новым мелодиям, сама училась и познавала новое. Столь быстро, что мальчик, кажется, не успевал и моргнуть.

Нориэль сделал глубокий вдох и выдох.

— Айша, ты научишь меня э-э-тому чуду? Я... я тоже хочу стать «чудотворцем»...

Он знал, что эти способности — нечто особенное и абсолютному большинству недоступное. Но он больше не мог ждать. Попытки самому почувствовать чудо, к которому он непроизвольно прикоснулся, ни к чему не приводили.

И если бы это было его очередное увлечение, цель которого была бы просто скрасить скуку, то он бы никуда не спешил и пытался познать новое в... своём темпе, однако этот случай был другой. Нетерпение буквально пожирало его изнутри.

Правда, любой человек бы на месте Нориэля сказал, что ребёнок тянул резину ну просто неприлично долго.

Девушка оторвалась от флейты, удивлённо хмыкнув.

— Я не обещаю, что у тебя что-то получится, ушастик. В моём племени так умели только члены моего рода. Возможно, чтобы что-то получилось, не имея таланта, тебе придётся потратить сотни и сотни лет. А это очень много! Возможно, что и нескольких сотен лет будет недостаточно. Так говорил мне дедушка!

— А я всё равно хочу попробовать! — упёрто ответил мальчик.

Айша ненадолго задумалась.

— Я не против, но с одним условием!

— Каким?

Девушка неожиданно потрепала, совсем как старшая сестра, мальчика по голове. Было совсем не важно то, что она, фактически, была многократно младше своего друга.

Ведь, её друг если и вырослел, то безумно медленно. Она же...

— Ты должен, наконец-то, начать учиться игре на флейте. По-настоящему! Если будешь лениться, Нориэль, то я не стану тебе ничего рассказывать! — важно приподняла палец Айша.

Мальчик чуть воздухом не подавился. Духи вокруг него тоже возмутились, уверенные в том, что их маленький эльф, на фоне себе подобных, неприлично активный. Если Нориэль лениться, то остальные эльфы...

А, впрочем.

— Н-но я всегда так всё учил! И ты сама говорила, что у меня всё хорошо получается!!!

— Если ты продолжишь учиться в таком темпе, — неожиданно грустно заговорила девушка, — то я никогда не услышу твою игру. Настоящую игру.

Нориэль застыл. Опустил голову.

— Хорошо... Я обещаю, что сыграю однажды так, что твоя душа это запомнит на много-много жизней вперёд! Д-даже после того, как ты переродишься и всё забудешь, ты будешь помнить мою игру на флейте!

Айша громко засмеялась.

— Да! Это то, что я хотела услышать! Спасибо, ушастик. А теперь... — улыбка девушки стала чуть более извиняющейся, она похлопала себя по животу. — Я хочу есть. Наловим рыбы?

— О-опять?!

— А потом пойдём к дяде Мориэлю. Он уже пообещал, что научит меня лепить скульптуры! А потом к сестре Изориэль. Ты же со мной?

Нориэль почувствовал, как у него от количества дел начало темнеть в глазах.

Не нужно уточнять, что мальчик собирался выполнить обещание, несмотря ни на что.

Время же продолжало идти. Сад из фиолетовых цветов постепенно разрастался.

Пожилая женщина сидела в поляне из орхидей и ирисов напротив маленького мальчика. Тело женщины было покрыто морщинами, кожа загрубела. Зелёные яркие глаза были давно посажены, сама она была сгорбившейся и перманентно усталой. Было очевидно, что жить ей осталось совсем недолго.

Но она совсем не была этому расстроена.

— Да, это оно... То, что я буду помнить и в следующих жизнях...

Нориэль прекратил играть на флейте, услышав тихий голос Айши. Ему было безумно приятно увидеть счастливую улыбку на лице своей подруги. К счастью, её слух не испортился до самой старости.

— Но я так и не научился вкладывать в игру «чудо», — вздохнул разочаровано Нориэль.

С того момента, как мальчик серьёзно начал учиться играть на флейте, он каждый миг пытался почувствовать то, о чём говорила Айша. И он даже на краю сознания что-то чувствовал, однако о том, чтобы за это «что-то» ухватиться и уж тем более вывести вовне — и речи не шло.

Порой Нориэлю казалось, что это чувство иллюзорно и он зря старается, однако он гнал эти мысли. Сколько бы времени это не заняло — он не собирался отказываться от того, что бесповоротно поглотило его душу. То, о чём говорил Старейшина.

— Ты не прав, — покачала головой старушка. — Твоя игра — это самое чудесное, что я слышала в своей жизни, ушастик. Когда ты выберешься из этого проклятого Леса — разнеси свою мелодию на весь мир.

— Возможно ли отсюда вообще выбраться? — поморщился мальчик, сжав флейту.

Где-то в середине своего жизненного пути Айша начала страдать от своего нахождения в Лесу. Это было очевидно для каждого эльфа Леса, и особенно для Нориэля. Они долгое время пытались выбраться, в том числе исследовали аномалии Леса, но, как можно понять, всё оказалось бесполезным.

Лес стал настоящей тюрьмой.

Мальчик знал, что единственный, кто может знать способ выйти за его пределы, это Талориэль, их Старейшина. К сожалению, мужчина не стал не то, что помогать, а даже слушать мольбы Нориэля. Мальчишка пытался подключить других своих сородичей, они были совсем не против помочь страдающей женщине, но...

Талориэль, когда его утомили постоянные причитания младших сородичей, просто превратил своё дерево в аномалию, которую все видели, но в которую не могли зайти.

Это был провал.

Айша подползла к мальчику, схватив его за руку.

— Ты должен дождаться новой бури, Нориэль.

— В прошлый раз выбраться не получилось! — начали наворачиваться слёзы на глаза ребёнка.

К ним уже приходила буря. Другая. Практически такая же, что и в прошлый раз. Нориэль и Айша считали, что это их шанса, пока не столкнулись с суровой реальностью: никакого волшебного выхода так и не появилось.

Пожилая женщина обняла Нориэля, начав гладить по голове.

— Нам просто не повезло, — нежно прошептала Айша. — В следующий раз обязательно повезёт.

Нориэль не стал отвечать, что хотел бы увидеть внешний мир со своей подругой. Мальчишка был не глупым и понимал, что своим высказыванием сделает Айше только больнее.

Мальчик глубоко вздохнул.

— Я сыграю ещё раз.

Айша оторвалась от Нориэля, ярко улыбнувшись.

— Кто бы мог подумать, что ленивый, вечно сонный ушастик окажется настолько старательным.

Вместо того, чтобы начать спорить, Нориэль молча заиграл на флейте.

Пусть в небе и светило яркое, ласковое солнце, атмосфера в Лесу была гнетущей. Пожалуй, она впервые была настолько гнетущей. Восемь эльфов, не считая девятого, Старейшины, стояли вокруг тела пожилой женщины. На её смуглом, морщинистом лице застыла умиротворённая улыбка. Всё тело женщины было укрыто фиолетовыми орхидеями и ирисами,

которым Айша посвятила всю свою жизнь. В руках женщины лежала старая, потёртая временем флейта.

Вокруг тела Айши мельтешили духи. Порой ветер вздымался такой, что поднимал некоторые цветы в небо. Кроме эльфов, вокруг цветочной поляны находились бесчисленные животные, провожающие любимицу Леса.

Нориэль, не показывая на лице никаких эмоций, играл на флейте. Звук, издаваемый духовым инструментом, был чистым, сама мелодия — парадоксально весёлой, быстрой. Его пальцы ловко двигались по духовому инструменту, создавая такую мелодию, будто у кого-то был день рождения, праздник.

Мальчик не хотел, чтобы его подруга уходила в следующую жизнь грустной.

— Люди слишком мало живут... — прошептала Изориэль. — Она ещё совсем недавно была ростком... И... и зачем только она училась моему делу, е-если даже не смогла его передать дальше...

Из глаз девушки шли слёзы. И не только у неё: каждый эльф, живший в Лесу, плакал, за исключением Нориэля и, кажется, Старейшины. В последнем тяжело было удостовериться, но это и не нужно было.

Было и так очевидно, что вечному домоседу было глубоко наплевать.

Каждый из сородичей Нориэля, под игру мальчика, подходил к телу женщины, прощаясь с ней. Находиться рядом с телом Айши непривыкшим к такому бессмертным существам было физически сложно, поэтому вскоре они начали расходиться. Все знали, что этот день когда-то настанет, но то, что настолько быстро...

Нет. Они были к этому совсем не готовы. Никто к такому полностью не может быть готов. Смерть пришла слишком спонтанно, слишком случайно. Смерть не выбирала даты — в один случайный момент Айша просто не проснулась. Не было ни красивых прощаний, ни чего-либо ещё.

Когда Нориэль остался на цветочной поляне один, мальчик прекратил игру на флейте, присев на землю.

В отличие от сородичей, он был более подготовленным к этому мигу, чем остальные.

Впрочем...

Это не помешало ему, немного посидев рядом с телом Айши, громко разреваться. До этого перерождённому духу не приходилось испытывать такой боли. Это был для него совершенно новый, уникальный, ужасный опыт. Столь ужасный, что у Нориэля на секунду возникли мысли о том, что его существование в виде духа природы было намного более беззаботным и приятным, чем жизнь в физическом теле.

Ирония же в том, что новый мучительный опыт для Нориэля оказался безумно полезным.

Мальчик давно почувствовал теплоту где-то в глубине себя. Ту самую, про которую ему говорила Айша. Чудо. Но это чувство было настолько слабым и эфемерным, что он не мог за него ухватиться, как бы ни старался. Если бы не все те эмоции, что испытала душа Нориэля, то неизвестно, сколько бы ему ещё пришлось биться головой об стену, чтобы хоть как-нибудь

продвинуться.

Теплота в его груди, подпитываемая эмоциями, разгорелась и запульсировала.

А после, совершенно спонтанно, не спрашивая мнения у Нориэля, вырвалась. К сожалению, мальчик этого уже не увидел, потеряв сознание, но увидели его верные друзья — духи.

Вокруг бессознательного ребёнка начали цвести уже доживавшие последние часы цветы. Из-под земли стали проглядываться корни, начавшие оплетать тело Нориэля.

Сородичи мальчика росли очень странно. Во многом внешний вид бессмертных эльфов зависел от ментального возраста, который менялся у жителей Леса безумно медленно. Фактически, в какой-то момент этот возраст застывал. Они просто не сталкивались с тем, что могло бы помочь им вырасти. Остальные сородичи мальчишки стали старше лишь потому, что каждый из них, не без помощи Старейшины, смог найти дело всей своей жизни, которого у Нориэля не было.

Теперь же...

Нориэль, перерождённый дух, погрязший в скуке и мечтах о том, чего даже не существовало, наконец, начал расти.

<http://tl.rulate.ru/book/94178/3179620>